Плач о дочери

Подойти мни вот, спобедноей кручинноей головушке,
Ко своему-то к рожопому к сердечному дитятку,
Ко своей-то мни ко белоей к лебедушке,
Ко умершеей ко бывшеей к подстылоей головушке!
Не от резвыих от ноженек, не младоей головушки —
Супротив-то сесть любимого ретивого сердечушка.
И как смотрю-то я, победная головушка,
На свою-то на белую лебедушку,
На своего-то на рожоного на сердечного на дитятка.
Как сегодняшним господним божьим дёнечком,
Да этыим-то ранниим-то утрышком
Всё я думала, кручинная головушка,
Уж я думала своим да умом-разумом:
Верно, дали-то свободну пору-времечко,
Пожалели, знать, белу ту лебедушку,
Пожалел, верно, крестовой твой батюшко
Да желанны твои тетушки
И не будили тебя, белая лебедушка,
С крепка сна оны сегодня не будили
И на работушку тебя не разряжали,
И также я, бедна кручинная головушка,
Поблизёшенько тебя не воскликала,
С крепкого сну-то тебя да не будила,
Ко порядне я тебя не разряжала.
Как раздумалась своим да умом-разумом,
Я спрошу теперь, кручинная головушка,
У тебя-то, моя белая лебедушка:
«Долго спишь ты вот теперь, да не прохватишься,
С крепка сну-то что-то долго не пробудишься?»
А не по-старому, знать, спишь да не по-прежнему:
Нет во белыих во рученьках маханьица,
Нет во резвыих во ноженьках стояньица,
Нет во ясных очах да мигованьица,
Застоялся-то речист язык во мла́дой во головушке;
Хоть и личенько, смотрю, есте бумажное —

Не бежат-то всё ведь слёзушки жемчужные!
Как смотрю, бедна кручинная головушка, —
И по фатерушке она да не похаживаё,
И на лавочке она да не посиживаё,
И в окошечко она да не посматриваё,
И по сенечкам не ходит да решетчатым,
Не выходит на любимое перёно на крылечушко,
И во светлу не заходит она во светлицу,
Во столовые не входит новы горницы,
И за пяльца не садится за точеные,
За узоры не садится за мудреные,
За шйтьицем не сидит за рукодельныим —
За любимыим девичьим щепетеньицем,
Не спевает-то жупливых жалких песенок,
Не веселит-то свою мла́дую головушку,
Не потешает-то ретивого сердечушка!
У порядни не видать да ёй крестьянскоей,
У поводу доімоводского:
У блинного не видать да ей печеньица,
У столового не видать да сыченьица,
У удоистых коровушек смотрөньица.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Что спрошу-то я, кручинная головушка:
Ты чего-то всё теперь да побоялася,
Ты чего да пострашилася?
Ты сесветноей, безотней, верно, жирушки
И обидного победного девочества?
Убралась ты на у́ную вековечную жирушку
Не во порушку-то ты да не во времечко —
В прекрасных молодых да ты во летушках,
В настоящее в прекрасное девочество!
Без надёжной, без отнеей ты жирушки
Как была-то тебе хворая, тяжелая постелюшка,
Умом-разумом была неустижимая,
Добрым людушкам была да на сдивленьице,
Роду-племени была да на сумленьице,
Мни вот, бедноей кручинноей головушке,
На великую тоску да на досадушку!
Ты во трудноей постелюшке сбивалася,

С ума с разума срекалася,
Всё я думала, кручинная головушка,
Размышляла я своим да умом-разумом:
Попрошу-то я бога от желаньица
Да святых я от усердия!
Пообешаю-то я свеченьки рублевые,
И посулю-то я пелены шелковые,
Может, ро́йдет-то худая пора-времечко,
Может, встанет-то рожоно моё дитятко
Со трудноей с тяжелой со постелюшки,
Может, справится по-старому, по-прежнему!
Вот прошла-то теби трудная постелюшка,
А пришла-то теби скора непосульная смерётушка,
Подошла она к теби тихошенько,
И у́брала она тебя скорешенько,
Во юныих, в молодых тебя во детушках!
Как ты была-то всё, голубушка, в живности,
Хоть в сиротском во прекрасноем девочестве,
Была девушка во чести да во славушке.
Добры людюшки тебя да всё хвалили,
Называньице было теби очймое,
Похвала теби всегда да позаочная,
Было росту у тебя да всё пригожества,
А красы-басы было да всё угожества!
Добры людушки срекалися,
Вси красотушки тобой да дивовалися
И жирушка была теби сиротская —
Только волюшка твоя была господская!
Уж ты жила, моя белая лебедушка,
Ты в безотнеей в обидноей во жирушке,
Со своим-то со крестовым жила батюшком,
Да свои были желанны твои тетушки,
Не влагали-то сердечного желаньица
До тебя-то, до красноей девушки.
С бласловеньица-то не было ложеньица.
Со Исусовой молитовкой буженьица!
Будили-то по утрышку ранешенько
Всё тебя до праведного солнышка,
И разряжали на крестьянскую работушку:

Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу теби оны заботушку,
Гди работушка та им не прилюбилася.
Да тогда оны тобой да заменилися,
Огрубляли тебя грубныма словечкамы,
Ударяли-то ударамы ведь больныма,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горюшицу!
Тогда вилося, свивалося
Мое тогда победное, ретивое сердеченько.
И не посмела я, победная головушка,
Я взасту́п сказать единого словечушка.
Была волюшка твоя да не улажена,
Да головушка твоя да не учесана,
Мелка косынька-то не была уплетена,
Теби не было слободной поры-времечки
По гульбищам ходить да по прокладищам,
По веселыим теби да всё по игрищам,
По годовыим владычныим по праздничкам.
Теби не было любимыих да гостиныих неделюшек
Во почестном побывать теби гостебище —
Вешныих неделюшек красивыих
Да осенних теби да сербетливых,
А зимниих теби да всё гульливыих!
Как имели-то заботушку в головушке
Над тобой да распоряживать,
А не имели той заботушки
Да тебя оны улаживать:
Обувать-то твоих резвыих ноженек,
Одевать твоих девочиих плеченек.
Теби не было всё, белая лебедушка,
По ноженькам-то не было обуточки,
А по плеченькам-то не было одеточки,
Кажной праздничек-то не было покупочек
Да кажи́мо воскресеньице — обновочек,
Теби не было-то летниих украшеньицев
Да зимниих теби да согреваньицев,
Не справлены-то куньи были шубоньки!
Приходили всегда празднички годовые,

У тебя-то были слезушки готовые,
Ты садилась под косивчато окошечко,
Проливала ты горю́чи-горьки слезушки!
Как ходили-то советны твои по́дружки
Ко владычному годовому ко праздничку,
А говорила ты победной мни головушке,
Что заверну свою я младую головушку,
Завихну свое ретивое сердечушко —
Нет по разуму мне цветныих-то платьицев,
Не пойду лучше к владычному ко праздничку,
Пойду лучше в дремучие во лесушки
Я по сладкие по розовы по ягодки;
И не уходится ль обидушка в головушке,
Не закрепится ль там ретивое сердеченько!
Ты послушай-ко, рожоное дитятко,
Сокрушилась моя мла́дая головушка,
Уж как ростячи рожоные вас детушки
Поели своей-то законноей семеюшки,
После вашего кормильца света батюшки!
Прошло десять-то учетных круглых годышков,
Как преставилась законная семеюшка,
Как осталась-то победная головушка
Во вдовиной в іго'рөгорькоей во жирушке
Со своима-то со малыма с рожоныма со детушкамы,
Я со глупыма со малыма осталась недоросткамы,
Я со стадышком осталась со гусиныим,
А со дру́гим — с лебединыим!
Уж думала своим да умом-разумом,
Размышляла своей младоей головушкой:
«Уж я как-то стану жить теперь, победнушка,
Во большой да не в одольнеей семеюшке
И как возращивать рожоных детушек?»
Не разруши́ть бы мни великоей семеюшки,
Не рассердить-то мни бы братца богоданого,
Вашего крестового бы батюшку,
Не разгневать бы ветляныих нешуточёк,
Мни своих-то богоданыих невестушек,
Поприбавить бы мни разума в головушку,
Не распустить бы мни рожоных своих детушек

Мни по всим бы по сторонушкам!»
Говорил мни вот крестовый да ваш батюшко:
«Наступила вот пора теби не прежная:
Нынь ведь время теби будет не по-старому,
И распорядки вси твои да не по-прежному —
Если думно жить с намы во семеюшке,
Надо иметь много заботушки в головушке:
Ставать надо по утрышку ранешенько
Да и по вечеру ложиться спать позднешенько.
Ты не будешь теперь да нас разряживать,
Мы тебя теперь да будем распоряживать!»
Тут раздумалась, победная головушка,
Я своим да умом-разумом,
Уж не знала тут, победнушка,
Примениться как к горегорькоей к сиротскоей ко жирушке,
Уж мни как-то жить на сём свите на белоем,
Не стерпеть будет великоей кручинушки,
Не сносить будет злодейноей обидушки.
Потом раздумалась опеть да умом-разумом,
Что закреплю свое ретивое сердечушко:
Стану горюшка во людюшки не сказывать,
Про обиду добрым людям не рассказывать,
Чтобы горюшко мое бедно не плакало,
На меня бы то оно да не судьякало,
Приклоню я свою младую головушку!
Приклонила я головушку низешенько,
Покорила я сердеченько милешенько,
Своей-то я любимой всей семеюшке
Говорила я, спобедная головушка:
«Хоть не по-старому держите, не по-прежнему,
Хоть работушкой меня да огрузите-ко,
Да словечками меня да не грубите-ко!»
Тут я стала жить, спобедная головушка,
Тише водушки я стала жить ключёвоей,
Ниже травоньки-то стала жить шелковоей,
Клонить-то стала младую головушку
Всим любимыим спорядныим да и запольныим соседушкам.
Тут не хозяйкой стала да распорядчицей —
На работушке была да за работницу,

На двори-то я была да за коровницу,
На гумни-то я была да за молотчицу,
Гди работушка та им не прилюбилася,
Тут и мной оны всегда да заменилися!
Тут жила, бедна кручинная головушка,
Я не знала в году праздничка годового,
Воскресеньицев не знала я Христовыих,
Всё ходила я по темным по лесушкам,
Я по разныим всегда да по работушкам.
Уж мы жили-то, рожо́ны, с вамы, детушки,
Вы росли-то всё безотние, сиротские,
Вам от солнышка-то не было согревушки,
Вам от ветра не бывало заборонушки,
Вам от частого от дождичка покрышечки,
Вам от добрыих от людюшек заступушки!
Слыли вольные-то вы да самовольные,
Безунём'ные вы слыли, безнарядные,
На работушку-то слыли малосіилые,
У стола-то слыли больше вы едучие.
Огрубляли вас вот грубныма словечкамы,
Да стращали меня, бедную горюшицу,
Угрожали всё победную головушку
Оны хлебамы всегда да вот особыма,
Да столамы-то стращали всё отдельными!
Не дай господи на сём свите, не приведи
Во сиротскоей в обидной жить во жирушке!
Лучше не были бы дети тыи ро́жены,
Лучше не были бы на белой свет попущены!
Ты послушай, моя бела лебедушка,
Ты любимое рожо́но мое дитятко,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Как сегодняшним господним божьим де́нечком
Как прибираются народ да люди добрые,
Собрались-то вси спорядные запольные суседушки
И все соседски ма́лы детушки, —
И вот не шелковый клубок теперь катается,
Вся породушка вот к нам да прибирается.
Как пришли теперь да сродцы наши сроднички,
Пришли-то наши тетушки-добротушки,

Да сестриченьки пришли да двуродимые,
Да жаланные пришли-то твои дядюшки!
Не по-старому пришли да не по-прежнему!
Уж как преж сего ходили да до этого,
Как ты была, головушка, во живности,
Выбегала на перёно ты крылечушко,
Выходила ты на ши́року на уличку,
Ты стречала-то своих да дорогих гостей,
Ты с покорныим стретала да с почтеньицем.
Ты вводила во хоромное строеньице,
Проводила-то во светлы их во светлицы,
Ты в столовы проводила новы горницы,
Угощала ты своих да дорогих гостей,
Кипятила самовары ты луженые
С чаями-кофиямы заварёныма!
И закусочки были́ все́гда наложены,
Были ествушки всегда да приготовлены!
Уж как ньгнечу-теперечу,
Как сегодняшнего денечку
Наши гостюшки пришли не веселешеньки,
Совсим-то заунылы да екучнешеньки.
Не к владычнему пришли да к нам ко праздничку,
Не в любимое в поче́стно к нам госте́бищо,
Оны к нам теперь .пришли не на поминочки,
Не на твою пришли обидную на свадебку,
Не принесли-то честных до́рогих подарочек!
Спасет бог да благодарствуйте
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Уж вы пришли к моей ко белой лебедушке!
Вы не первое пришли теперь, последнее,
Вы к последнему пришли да с ней свиданьицу,
Да и ко по́слему пришли теперь прощеньицу.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Ты любимое рожоно мое дитятко!
Я за честь прошу, кручинная головушка,
Уж вы встань-ко всё, пожалуйста, скорешенько,
Развернись-ко ты теперечу смелешёнько,
Ты по-старому-то встань да всё по-прежнему,
Сделай доброе теперечу здоровьице,

Заговори-тко вот любимые всё ласковы
Хоть последни вот словечушка
Со своей-то со породой с именитою,
Проведи-тко их по-старому, по-прежнему,
Ко столам-то ты веди да ко дубовыим,
Ко накрытому столу да ты ко честному,
Угощай-ко ты своих да дорогих гостей.
Угощай-ко всех спорядных соседушек!
Ты сама садись-ко, белая лебедушка,
Звеличать мы тебя будем не по-старому,
Почитать да тебя станем не по-прежнему;
Хоть- лебедушкой мы белой называем,
За гостейку любиму тебя да почитаем.
Уж ты сядь-ко всё теперь да угощайся-ко,
Уж ты досыта с гостями наедайся-ко,
Уж ты до́люби-то теперь да напивайся-ко.
У нас всё -есте теперь для вас прилажено,
У нас всё есте теперь да приготовлено.
И налажены вси ествушки сахарние
Да и разведены вси литвина медвяные!
Ты не первое вот кушай — всё последнее,
Послий разичек ты, белая лебедушка.
Мы не пивши-то тебя да не отправим,
И голодной-то тебя да мы не справим.
Охти мни, бедной кручинноей головушке!
Хоть я много-то стала у ней выспрашивать,
Ничего она мни стала не рассказывать,
Хоть сказала бы, рожоно мое дитятко,
Хоть одно мни вот любимое да ласково словечушко
Ты словечка никакого не сказала,
Ты ответа мне совсем не подавала.
Рассердилась на меня, знать, поразгневалась,
Аль, сама знаю я, кручинная головушка:
Нету душеньки в твоих да во белых грудях!
Ты последние была у нас денёчеки,
Уж ты послие живешь у нас часочики.
Мы справляем-то тебя да снаряжаем
Мы не к праздничку тебя да отпущаем
И не в любимое почестное гостебище,

Не на гулянку мы тебя, не на прогулочку —
Мы справляем тебя, белая лебедушка,
На вековечную, бесконечную на жирушку!
Как прибудешь ты на уную на жирушку,
Ты пошли-ко нам письмо да пошли грамотку,
Скорописчатое нам пошли известьице,
Ты куда будешь, голубушка, положена,
Куда место-то теби да уготовано?
Извести-ко нам про будущую жирушку,
Теби худо ль там покажется,
Аль хорошо, может, понравится!
Ты послушай-ко, голубушка,
Что акажу теби, кручинная головушка,
Хоть мы справили теперь тебя, наладили —
По недугу ль теби, любушка, по разуму
Мы одели-то теби да цветны платьица,
Вековечное теби да одеяньице.
Мы не пышно положили, не нарядное,
Мы не цветно, не особенно
Мы не славно да не дорого —
По своему-то мы, победные, возможёньицу,
По своей-то по несчастноей по силушке.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь,
Не осуди-ко, моя белая лебедушка,
Извини-ко ты, рожоно мое дитятко,
Не в шелки тебя одели не в московские,
Не в материи тебя дорогоценные,
Мы не в новы ситцы да в петербургские —
Мы в простую-то одёженьку крестьянскую,
Мы не в новую тебя — да во поно́шену.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь —
Не моя ведь есте вольная всё волюшка
Справлять-то теби цветныих платьицев
И наладить вековое одеяньице!
Как была бы то моя да вольная волюшка,
Как бы в моих руках бессчетна золота казна,—
Я бы справила теби бы, всё наладила,
Я не в эдаки бы платьица одела бы,
Да и не в эдаку обуточку обула бы —

Положила бы во платьица во цветные,
Да в нарядные тебя бы в подвенечные,
В рубашечку во травчату,
В душегреечку тебя бы гблёвой парчи,
А на ноженьки шелковые чулочеки
Да в сафьянные башмачеки!
Я бы убрала головушку в цветочеки,
На головушку — жемчужну мелку сеточку!
Вот бы так бы тебя справила, наладила,
И еще бы я теби да положила бы
Я на кбсыньку лазуревы цветочеки,
И в ко́сыньку теби бы алу ленточку,
Я во правую во рученьку злачёны перстешочеки!
Я бы убрала тебя бы да наладила
По недугу-то было бы да по разуму!
И как нету-то именьица-богачества
И нету-то у нас да золотой казны,
Дак не справишь-то всё по́-люби, по разуму.
Как бы был бы то ростителек во живности,
Теби всё было бы справлено,
Теби всё бы приналажено!
То ведь жирушка-то наша небогатая,
А житье-то не славутное;
Хоть осталось твоих цветных платьицев,
Дак остались-то сестриченьки родимые,
Три-четыре по фатерушке шатается,
Да головушка с головушкой равняется!
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Я еще спрошу, победная головушка,
У тебя-то всё, рожоно мое дитятко:
По недугу ли теби да всё по разуму,
Теби вечное хоромное строеньице,
Вековое-то теби да домовищечко?
Оно просто-то совсим есте налажено —
Не покрашено оно да не побашено,
Не поставлены-то терёмы высокие,
Да не врублены косивчаты окошечка,
Да не вложены хрустальные стеколышка.
Со простых досок со еловых налажено

Совсим просто-то теби да домовищечко.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Как было бы именьице богачества,
Как была бы золота казна бессчетная,
Как бы был-то всё во. живности кормилец твой батюшко,
Как была бы то моя да вольна волюшка —
С честью-славою тебя да мы отправили,
С великатием тебя бы схоронили бы,
Мы со звоном бы тебя да колокольныим,
С попом — отцом духовныим
Да с петьем божьим церковныим!
Как схороним тебя, белая лебедушка,
Во матушку сыру землю
И во буеву холодную могилушку,
В вековечну, бесконечну тебя жирушку,
Закроем тебя матушкой сырой землей,
Замуравим тебя травонькой шелковою!
Ты прощайся-ко вот, белая лебедушка,
С родом-племянью прощайся-ко любимыим,
Со породушкой прощайся с именитою.
Вы простите, вся порода именитая,
Вы простите-ко, спорядные соседушки,
Ты прости-прощай, хоромное строеньице,
Нам последнее с тобой теперь прощеньице —
Вы простите мою белую лебедушку:
Как была она, голубушка, во живности,
Во прекрасноем сиротском хоть девочестве,
Хоть и жирушка-то ей была сиротская,
Только волюшка была у ей господская.
В шутках, в баснях вы простите, в прибадурочках!
Уж как больше-то не будет да живешенька,
Дак могилушка хоть будет да близешенько, —
Будет буде мни слободной поры-времечки,
Уж я буду на могилушку похаживать,
Уж я подолгу-то буду да высиживать,
Я в осенние во ноченьки
Буду обидушку выбрасывать,
А во вёшные денечеки
Буду обиду всю высказывать.

Мни вот стоснётся, победнушке, стоскуется,
Как расходится обидушка в головушке,
Сколыбается зазнобушка в утробушке —
Уж я брошу всю крестьянскую работушку
И пойду к тебе на буеву могилушку!

Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. Похоронные причитанья вопленицы Н. С. Богдановой. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год». Петрозаводск, 1911.